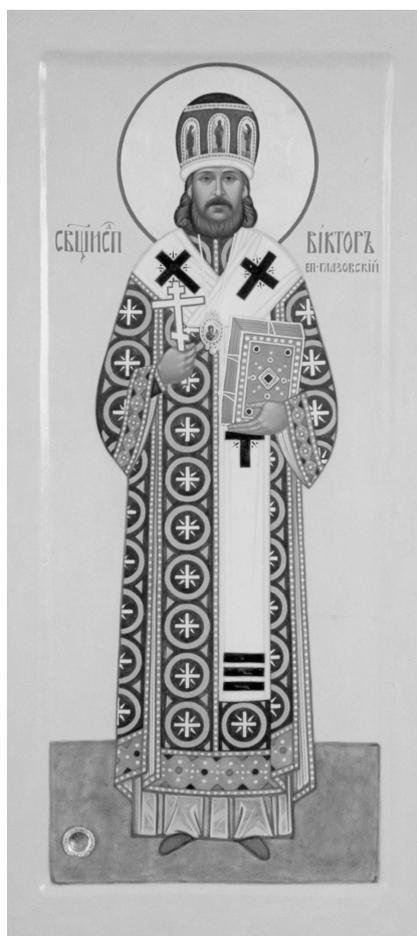

19 апреля (2 мая)

Священноисповедник
Виктор (Островидов),
епископ Глазовский, викарий Вятской епархии

Священноисповедник Виктор родился 21 мая 1878 года в семье псаломщика Троицкой церкви села Золотого Камышинского уезда Саратовской губернии Александра и его супруги Анны Островидовых и в крещении был наречен Константином. В 1888 году, когда ему исполнилось десять лет, он был отдан в подготовительный класс Камышинского духовного училища и через год был принят в первый класс. По окончании в 1893 году училища он поступил в Саратовскую Духовную семинарию и окончил ее по первому разряду. В 1899 году Константин поступил в Казанскую Духовную академию. Ему, как успешно выдержавшему приемные экзамены, была предоставлена стипендия.

Священноисповедник Виктор

Уже в студенческие годы у него проявились яркие дарования в области гуманитарных наук, интерес к отечественной словесности, философии и психологии. Он стал одним из активнейших деятелей и товарищем председателя студенческого философского кружка. По окончании в 1903 году академии

Константин Александрович был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в Духовной семинарии.

28 июня 1903 года епископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) постриг его в мантию с именем Виктор; на другой день он был рукоположен во иеродиакона, а на следующий – во иеромонаха и вскоре назначен в город Хвалынск настоятелем организуемого в это время Свято-Троицкого подворья Саратовского Спасо-Преображенского монастыря.

Свято-Троицкое подворье было учреждено 5 декабря 1903 года вследствие ходатайства городских властей перед епархиальным архиереем епископом Гермогеном (Долганевым)* для предотвращения развития старообрядческого раскола в Хвалынском уезде. Подворье, приписанное к Саратовскому Спасо-Преображенскому монастырю, должно было служить миссионерским нуждам и со временем преобразоваться в самостоятельный монастырь.

В феврале 1904 года, во время Великого поста, в зале музыкального училища города Саратова иеромонахом Виктором были прочитаны три лекции. Первая лекция состоялась в воскресенье 15 февраля и привлекла массу слушателей: все проходы между рядами, хоры и фойе были заняты; на лекции присутствовали епископ Гермоген, саратовский губернатор П. А. Столыпин с женой и дочерью, католический епископ Рооп, ректор Саратовской Духовной семинарии, директора гимназий, духовенство и миряне. Темой лекции была «Психология “недовольных людей” в произведениях М. Горького».

22 февраля состоялась вторая лекция на тему «Жизненные условия появления “недовольных людей”», также собравшая множество слушателей, а 29 февраля – третья лекция на тему «Возможность обновления “недовольных людей” и путь к нему».

Незаурядные дарования иеромонаха Виктора в непродолжительный период служения в Саратовской епархии проявились и на поприще миссионерской деятельности. 18 апреля 1904 года в Саратове прошло общее собрание местного комитета Православного миссионерского общества, деятельность которого в 1903-1904 годах была направлена на организацию миссионерского служения среди чувашей. В основу миссионерского дела было положено обучение чувашей грамоте и совершение богослужения на чувашском языке.

Чувашские селения были разбросаны по всей обширной Саратовской епархии. Для успешной постановки миссионерского дела и наблюдения за деятельностью устроенных миссионерским обществом школ было признано необходимым учредить должность разъездного миссионера. Эта должность предназначалась для иеромонаха Виктора, который к этому времени уже фактически стал ее исполнять.

В 1905 году в издании книжного магазина «Вера и знание» в Санкт-Петербурге вышли лекции иеромонаха Виктора о «недовольных людях» в произведениях Горького и религиозно-философская брошюра «Заметка о человеке». В том же году иеромонах Виктор был назначен старшим иеромонахом Иерусалимской Духовной Миссии.

Деятельного пастыря-миссионера поразило отсутствие в Миссии миссионерской деятельности. «...Несмотря на такое наиважнейшее положение тамошней нашей Миссии, о ней – о ее задачах, целях и вообще жизнедеятельности – совершенно невозможно сказать какое-либо

* Священномученик Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганев); память празднуется 16/29 июня.

определенное, ясное слово, и это уже после пятидесятилетнего существования Миссии... – писал он впоследствии в докладе о деятельности Миссии. – Правда, некоторые из паломников-пастырей приходят в большой восторг, пораженные внешним богатством, – разумею святые места наши с постройками на них, какими владеет Иерусалимская Миссия... Но вот спросите их, что же они будут говорить, о каком величии Миссии проповедовать, к чему призывать своих слушателей, – и они тотчас же окажутся в самом тяжелом положении, ибо ничего не могут сказать светлого и определенного ни о настоящей, ни о прошедшей духовной жизнедеятельности Миссии... Единственное занятие, которое всегда находили себе члены Миссии, – это служение молебнов, панихид, исполнение незначительных треб церковных и соби́рание пожертвований. Такое положение Миссии – как требоисправительницы – более чем печально. Да и это поделие в течение полугода за отсутствием паломников пропадает и легко может совсем пропасть...»

В 1908 году иеромонах Виктор был направлен в Киев, где в течение двух недель, с 12-го по 26 июля, проходил 4-й Всероссийский миссионерский съезд.

В работе съезда принимали участие митрополиты: Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), Московский Владимир (Богоявленский)* и Киевский Флавиан (Городецкий) – тридцать пять архиепископов и епископов, а всего участвовало более шестисот деятелей Русской Православной Церкви. Миссионерский съезд проходил во время празднования 800-летия Киевского Михайловского монастыря, и поэтому торжества по случаю этого юбилея и обычный крестный ход в день памяти святого равноапостольного князя Владимира были особенно величественными и торжественными.

Вечером 18 июля проходило третье собрание съезда. После оглашения съезду приветственной телеграммы Патриарха Константинопольского Иоакима иеромонах Виктор прочел обширный доклад о прошлом и настоящем Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Этот доклад отец Виктор построил как «живое слово о живых же нуждах» Миссии и высказал в нем самые сокровенные, глубоко им продуманные мысли о Православной Церкви и о миссионерском служении в Святой Земле.

«Церковные ведомости» следующим образом изложили содержание доклада отца Виктора: «...Мы необходимо должны признать, что у нас еще и не было в Иерусалиме духовной миссии как посланничества высшей духовной властью Русской Церкви духовных лиц с определенными и чисто церковными религиозными целями, а между тем для такой миссии настало время. Палестина и Сирия – это центр, куда стекаются представители всякого рода религиозных вероисповеданий, и притом в самом цвете их сил. Тут сосредоточена едва ли не главная работа Рима, который с наглою беззастенчивостью стремится поглотить народы Востока: католическое духовенство всевозможных видов, монашеские ордена, братства, союзы положительно наводнили города Востока. За папизмом следует мертвящий внутренний дух жизни личности протестантизм с бесчисленными своими школами, приютами, больницами.

В самое последнее время образовалось целое социалистическое общество, поставившее себе дикую задачу посредством школ и воспитания юношества вытравить всякое религиозное чувство у местных жителей и этим путем надругаться над главными святынями всего христианского мира. Армяне и

* Священномученик Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский); память празднуется 25 января/7 февраля.

сирийцы и всякие американские выходцы в виде баптистов, свободных христиан довершают эту плеяду волков в овечьей шкуре, борются с которыми одной Восточной Церкви положительно не по силам. Восток нуждается в помощи, и в настоящее время более чем когда-либо, ввиду особенной силы католицизма и нового направления его деятельности. Папизм усиливается теперь встать на путь братских отношений к восточным иерархам, на путь сочувствия, почтительности, всякой предупредительности и материальной поддержки – для выражения своих чувств любви к восточным братьям...

Бороться с этим новым направлением можно не иначе, как оставивши горделивое себялюбие и вставши на путь искренних братских отношений любви всех православных поместных церквей и отдельных чад их между собою. Единство Вселенской Православной Церкви вне всяких национальных интересов, безусловно, должно быть поставлено во главу возможной общей нашей деятельности на Востоке. Только этот догмат единства, как бы вновь исповеданный нами, может дать Церкви Православной как внутреннюю крепость, так и силу борьбы со всяким иноверием, наводнившим и Палестину, и нашу собственную страну.

Далее в докладе иеромонаха Виктора сообщаются не лишённые интереса данные об отношении наших неправославных старообрядцев к православному Востоку. Старообрядцы, несмотря на свое ожесточение, как и весь русский народ, часто устремляют свои взоры на Восток, Святую Землю, которая, кажется, опять могла бы примирить их дух с небом. Не об этом ли тяготении старообрядцев ко святому Востоку говорят их журнальные заметки, картинки и целые статейки из жизни Палестины и начавшееся в последнее время паломничество туда отдельных личностей и даже их священнослужителей при весьма благоговейном настроении их. И я уверен, говорит иеромонах Виктор, что такое паломничество их никогда не может остаться для них бесплодным. Это паломничество старообрядцев ко Гробу Господню принесет для многих, более искренних из них, ту пользу, что... рассеет ожесточенную предубежденность и предвзятость против Православной Русской Церкви через невольное наглядное созерцание ее единства с матерью Церковью – Церковью Иерусалимской, а в ней и со всею Вселенскою.

Восточная Церковь, безусловно, должна принять участие в старообрядцах, ибо само это дело раскола – старообрядчество – не есть исключительно русское, но главным своим историческим моментом касается всей Вселенской Церкви. Те клятвы Московского собора 1666–1667 годов, которые окончательно отделили старообрядцев от православия, были наложены всей Вселенской Церковью. А потому для обратного привлечения неправославных старообрядцев в лоно нашей Церкви мы неизбежно должны привлечь к участию всю Вселенскую Церковь, повинную в сем тяжелом деле. Это тем более возможно, что сами восточные святители не бывают безучастными к данному делу. С какою скорбью сердца вспоминал, например, Блаженнейший Патриарх Дамиан о наших старообрядцах-раскольниках, когда года два тому назад мне однажды пришлось быть у него и иметь с ним относительно них случайный разговор. Узнавши, что я из Поволжской губернии, Блаженнейший Патриарх заметил, что, кажется, это одно из главных мест жизни наших раскольников. Трудно поверить, чтобы первосвятитель Церкви Восточной, отделенный от нас тысячами верст и национальностью, знал наши раскольнические центры. И мало того что знал, но и скорбел о них, как о своих чадах. “Бедные, несчастные они люди, – продолжал

он, – их надо жалеть, любить – по Апостолу, немощи немощных носить”. Когда же я заметил ему, что они делают много зла для Церкви, то он недоверчиво махнул рукой: “И полно, что они нам могут сделать?” И я больше чем уверен, что простое, немудреное, но любви и благодати исполненное слово такого первосвятителя Востока, обращенное к нашим старообрядцам, будет весьма действенно для их ожесточенных сердец. Но чтобы это слово дошло до уха отпадших от единства Церкви, нам нужно самим уже вести их к Востоку, и в этом мы успеем главным образом через паломничество, так сильно развитое у нашего русского народа, пока не наступят более счастливые времена наших тесных, живых и постоянных взаимоотношений со всею Восточною Церковью».

13 января 1909 года иеромонах Иерусалимской Духовной Миссии Виктор был назначен смотрителем Архангельского духовного училища. 31 января того же года он был награжден наперсным крестом.

Не чувствуя, однако, призвания к духовно-учебной службе, отец Виктор в том же году подал прошение об увольнении его от должности для поступления в число братии Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, которое было удовлетворено 15 октября 1909 года.

22 ноября 1910 года иеромонах Виктор был назначен настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря Санкт-Петербургской епархии с возведением в сан архимандрита.

Троицкий Зеленецкий монастырь находился в пятидесяти семи верстах от уездного города Новая Ладога. «Круглый год в церкви пустынного Зеленецкого монастыря, окруженного на большое пространство глухим лесом, мхами и топкими болотами, нет почти никого, кроме братии, – писал автор очерка о монастыре протоиерей Знаменский. – Только в дни памяти преподобного Мартирия Зеленецкого (1 марта и 11 ноября), в праздники Живоначальной Троицы и Благовещения Пресвятой Богородицы бывает большой приток богомольцев из окрестных селений».

5 (18) сентября 1918 года архимандрит Виктор был назначен наместником Александро-Невской Лавры в Петрограде. Но недолго пришлось ему здесь прослужить. Аресты, расстрелы архиереев требовали поставления новых архипастырей из числа образованных, ревностных и опытных пастырей; для них стали открываться новые викариатства, и через год, в декабре 1919 года, архимандрит Виктор был хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии.

Прибыв в январе 1920 года в Вятскую епархию, он со тщанием и ревностью приступил к исполнению своих архипастырских обязанностей, просвещая и научая паству вере и благочестию и для этой цели прежде всего организовал общенародное пение. Епископ Виктор своей ревностью в вере, благочестием и святостью жизни привлек сердца паствы, и она полюбила святителя, который стал для нее любвеобильным и заботливым отцом, вождем в делах веры, исповедником православия, мужественно противостоящим надвигающейся тьме безбожия. Безбожным властям не понравилось столь ревностное отношение епископа к вере и Церкви, и он почти сразу же был арестован.

«Начало его деятельности, – писал епископ Вятский и Глазовский Николай (Покровский), – не понравилось коммунистам; его проповедь, сам проповедник и высшая церковная власть, открывшая Уржумскую епископию, вышучивались в “Деревенском коммунисте”, чем, видимо, не смущался владыка и продолжал свое дело, свою проповедь, привлекавшую в храм народные массы. В среду на

первой неделе поста, после литургии, в церкви владыку Виктора арестовали и отправили в заключение».

Виктор, епископ Глазовский, викарий Вятской епархии

«Преосвященного Виктора обвинили в том, что он “агитировал против медицины”», так как во время эпидемии тифа он призывал верующих чаще кропить свои жилища Крещенской водой.

Образ его жизни и то, как он держался перед властями, привлекли к нему не только тех верующих, которые не сочувствовали советскому строю, но и некоторых государственных чиновников, как например секретаря губернского суда Александра Вонифатьевича Ельчугина, добившегося разрешения у председателя Революционного трибунала навещать заключенного епископа в тюрьме и посещавшего его, как только представлялась возможность. Власти продержали владыку в заключении пять месяцев. Узнав, в какой день освободят епископа, Александр Вонифатьевич поехал за ним и привез его из тюрьмы на квартиру и впоследствии бывал у него почти каждый день. Он по просьбе владыки принес ему считавшиеся секретными приказы ВЧК о порядке изъятия имущества и помог составить прошение властям о возвращении вещей, изъятых у него при обыске. Впоследствии Александр Вонифатьевич стал сообщать епископу обо всех готовящихся против Церкви мероприятиях, к чему побуждали его собственная вера и преданность владыке, к которому он проникся большим уважением, видя его самоотверженное служение Богу и Церкви.

В 1921 году владыка Виктор был назначен епископом Глазовским, викарием Вятской епархии, с местом жительства в Вятском Свято-Успенском Трифоновом монастыре на правах настоятеля. В Вятке владыка был постоянно окружен народом, который видел в никогда не унывавшем и твердом архипастыре свою

поддержку среди неустройств и тягот жизни. После каждого богослужения люди окружали владыку и провожали до кельи в Трифоновом монастыре. Дорогой он неторопливо отвечал на многочисленные вопросы, которые ему задавали, всегда и при любых обстоятельствах сохраняя дух благожелательности и любви.

Епископ Виктор был наделен характером прямым, чуждым лукавства, спокойным и жизнерадостным, и, может быть, поэтому он особенно любил детей, находя в них нечто сродное себе, и дети в ответ любили его беззаветно. Во всем его облике, образе действий и обращении с окружающими чувствовался подлинный христианский дух, чувствовалось, что для него главное – любовь к Богу и ближним.

На время нахождения епископа Виктора в Вятке пришлось изъятие из храмов церковных ценностей, которое произвело на владыку удручающее впечатление.

«Я уже доносил Вам, – писал он Патриарху Тихону, – о печальных событиях в нашей Вятской церкви. Вместе с этим письмом, рапортом извещаю Вас о дальнейшем ходе этих событий, т. е. что Преосвященный Павел уже выбыл.

После его отъезда бывший правитель дел канцелярии протоиерей Попов показал мне “по секрету”, как он сам выразился, Ваше послание по поводу возможного изъятия богослужебных ценностей с объяснением, что оно не было проведено в жизнь, с одной стороны, потому, что опоздало, с другой – оно-де носит характер прежних посланий с их печальными последствиями для духовенства. Эти прежние послания также были сокрыты протоиереем Поповым по должности председателем Епархиального Совета. Ознакомившись с содержанием послания, я, насколько мог, разъяснил ему глубокое религиозно-нравственное, чисто духовное значение, которое имеет послание как вообще для верующих, так и особенно для духовенства.

В провинции в селах, по которым я в то время проезжал (там изъятие произошло в один день – 1 марта ст. ст. и в один час – 12 часов дня по всем селам), была полная растерянность, и все зависело от лиц, посланных на сие дело.

В городе Вятке, как видно из дела, духовенство показало себя весьма и весьма с плохой стороны и в некоторых случаях вызвало в народе ропот за то, что бесстрашно, дерзостно-легкомысленно вело себя в отношении святыни. Ведь у нас отдано все до пузырьков от святого мира и помазочков включительно. Ужели и такие пустяки нужны были правительству?..

Ввиду того, что многие из мирян и духовенства Вятской губернии до сего времени находятся в большой душевной скорби за случившееся, я исповедую пред Вашим Святейшеством грех неведения вятичей, земно кланяюсь Вам и слезно за них и за себя прошу прощения и Вашего Архипастырского молитвенного разрешения от этого греха. Простите...»

Весной 1922 года было создано и поддержано советскими властями обновленческое движение, направленное на разрушение Церкви. Патриарх Тихон был заключен под домашний арест, передав церковное управление митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), которого власти не допустили приехать в Москву, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. 5 (18) июня митрополит Агафангел обратился из Ярославля с посланием к архипастырям и всем чадам Русской Православной Церкви, советуя архиереям впредь до восстановления высшей церковной власти управлять своими епархиями самостоятельно.

В мае 1922 года во Владимире был арестован епископ Вятский Павел (Борисовский) и обвинен в том, что изъятые из храмов ценности не соответствуют указанным в официальных описях. Временно в права исполняющего обязанности управляющего Вятской епархией вступил епископ Виктор. К нему и направил свое письмо 31 мая председатель обновленческого ВЦУ епископ Антонин (Грановский). В этом письме он писал: «Позволяю себе осведомить Вас о главном руководящем принципе нового церковного строительства: ликвидация не только явных, но и потайных контрреволюционных тенденций, мир и содружество с советской властью, прекращение всяких оппозиций ей и ликвидация Патриарха Тихона, как ответственного вдохновителя непрекращавшихся внутрицерковных оппозиционных ворчаний. Собор, на который возлагается эта ликвидация, предполагается созвать в половине августа. Делегаты Собора должны явиться на Собор с ясным и отчетливым сознанием этой церковно-политической задачи».

Епископ Виктор и иподиакон Александр Ельчугин

В ответ на действия обновленцев, пытавшихся разрушить канонический строй Русской Церкви и внести смуту в церковную жизнь, владыка Виктор обратился с посланием к вятской пастве. Раскрывая суть нового явления, он писал: «Некогда Господь Своими пречистыми устами сказал: “Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инаде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам” (Ин. 10, 1-2). А божественный апостол Павел, обращаясь к пастырям Церкви Христовой, говорит: знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих (пастырей) восстанут люди и станут говорить, превращая истину, чтобы увлечь за собою учеников. Итак, стойте на страже своей (Деян. 20,

29-31). Други мои возлюбленные, это слово Господа и Его апостолов ныне, к великой скорби нашей, исполнилось в нашей Русской Православной Церкви. Дерзко отвергнув страх Божий, кажущиеся иерархами и иереями Церкви Христовой, составив из себя группу лиц, вопреки благословения Святейшего Патриарха и отца нашего Тихона, в настоящее время усиливаются самозванно, самочинно, воровски захватить управление Русской Церкви в свои руки, нагло объявляя себя каким-то временным комитетом по управлению делами Церкви Православной...

И все они, именующие себя “живою церковью”, как сами впадают в самообольщение, так и других вводят в обман и заблуждение – людей плотских, не выносящих духовного подвига жизни, сбросивших с себя или желающих сбросить узы божественного послушания всему церковному законоположению, преданному нам святыми богоносными отцами Церкви через Вселенские и Поместные соборы.

Други мои, умоляю вас, убоимся, как бы и нам нечаянно не сделаться, подобно сим возмутителям, отщепенцами от Церкви Божией, в которой, как говорит Апостол, *всё ко благочестию и спасению нашему* и вне послушания которой вечная погибель человеку. Да не случится этого с нами никогда. Хотя мы и повинны бываем перед Церковью во многих грехах, однако все-таки составляем одно тело с нею и вскормлены божественными ее догматами, и правила ее и постановления будем всемерно стараться соблюдать, а не отменить, к чему стремится это новое соборище недостойных людей...

А посему умоляю вас, возлюбленные во Христе братья и сестры, а наипаче вас, пастыри и соработники на ниве Господней, отнюдь не следовать сему самозванному раскольническому соборищу, именующему себя “церковью живой”, а в действительности “трупю смердящему”, и не иметь какого-либо духовного общения со всеми безблагодатными лжеепископами и лжепресвитерами, от сих самозванцев поставленными. “Не признаю епископом и не причисляю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками к разорению веры возведен в начальники”, – говорит святой Василий Великий. Таковы и ныне те, которые не по неведению, но по властолюбию вторгаются на епископские кафедры, добровольно отвергая истину Единой Вселенской Церкви и взамен того своим самочинством создавая раскол в недрах Русской Православной Церкви к соблазну и гибели верующих. Будем являть себя мужественными исповедниками *Единой Вселенской Соборной Апостольской Церкви*, твердо держась всех ее священных правил и божественных догматов. И особенно мы, пастыри, да не преткнемся и не будем соблазном в погибель врученной нам от Бога пастве нашей, помня слова Господни: “Аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми?” (Мф. 6, 23), и еще: “аще же соль обуяет” (Мф. 5, 13), то чем осолятся миряне?

Молю вас, братия, блюдитесь от тех, кто производят распри и раздоры вопреки учению, коему научились вы, и уклоняйтесь от них – такие люди служат не Господу Иисусу Христу, а своему чреву и ласкательством и красноречием прельщают сердца простодушных. Ваше же послушание всем известно, и радуюсь о вас, но желаю, чтобы вы мудры были во всем во благо и просты (чисты) для всякого зла. Бог же мира сокрушит сатану под ноги ваши вскоре. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь (Рим. 16, 17–20)».

После недолгого пребывания в заключении епископ Вятский Павел был освобожден и приступил к исполнению своих обязанностей. В это время

обновленцы пытались захватить церковную власть в епархии или добиться хотя бы нейтрального отношения к себе епархиального архиерея. 30 июня 1922 года Вятская епархия получила следующую телеграмму от центрального организационного комитета «Живой церкви»: «Организируйте немедленно местные группы Живой церкви на основе признания справедливости социальной революции и международного объединения трудящихся. Лозунги: белый епископат, пресвитерское управление и единая церковная касса. Первый организационный всероссийский съезд группы Живая церковь переносится на третье августа. Выбирать на съезд по три представителя от прогрессивного духовенства каждой епархии».

3 июля епископ Павел ознакомил с телеграммой преосвященного Виктора и благочинных. 6 августа живоцерковники созвали в Москве съезд, по окончании которого ими были посланы уполномоченные во все Российские епархии. 23 августа уполномоченный ВЦУ прибыл в Вятку. Он встретился с епископом Павлом и попросил его содействия в деле созыва общегородского собрания духовенства, чтобы информировать о состоявшемся в Москве съезде. К вечеру того же дня епископ Павел направил уполномоченному ВЦУ письмо, в котором писал, что не разрешает никаких собраний и требует, чтобы уполномоченный, будучи священником Вятской епархии, отправился на место своего служения, – в противном случае он будет запрещен в священнослужении.

На следующий день обновленческий священник снова явился к епископу Павлу и ознакомил его с документом, в котором перед епархиальным архиереем были поставлены такие вопросы: признает ли епископ ВЦУ и его платформу, подчиняется ли он распоряжениям ВЦУ, считает ли он уполномоченного ВЦУ официальным лицом и находит ли нужным «во имя мира Церкви Христовой и братской любви совместную работу с ним».

Выслушав эти требования, преосвященный Павел сказал, что он никакого ВЦУ не признает, и вновь потребовал от священника, чтобы тот ехал на приход к месту своего служения, в противном случае он будет запрещен в священнослужении.

Сразу же от епископа Павла уполномоченный ВЦУ отправился к епископу Виктору в Трифонов монастырь, несмотря на то, что многие люди, которым владыка был известен как ревнитель чистоты православия, пытались отсоветовать ему идти к епископу и предупреждали, что тот отнесется к обновленческой затее еще более резко отрицательно.

Так и случилось. Владыка не принял уполномоченного ВЦУ и отказался взять от него какие-либо бумаги. В тот же день преосвященный Виктор составил письмо к вятской пастве, которое было одобрено и подписано епископом Павлом и разослано по храмам епархии. В нем говорилось: «В последнее время в Москве открыла свои действия группа архиереев, пастырей и мирян под названием “живая церковь” и образовала из себя так называемое “высшее церковное управление”. Объявляем вам во всеуслышание, что эта группа самозванно, без всяких на то канонических полномочий захватила в свои руки управление делами Православной Российской Церкви; все ее распоряжения по делам Церкви не имеют никакой канонической силы и подлежат аннулированию, которое, надеемся, и совершит в свое время канонически правильно составленный Поместный собор. Призываем вас не входить ни в какие сношения с группой так называемой “живой церковью” и ее управлением и распоряжения ее отнюдь не принимать. Исповедуем, что в Православной католической Церкви Божией

группового управления быть не может, а существует от времен апостольских только единое соборное управление на основе вселенского сознания, неизменно сохраняемого в истинах святой православной веры и апостольском предании.

“Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они...” (1 Ин. 4, 1).

Вместе с сим умоляем вас повиноваться человеческому начальству, гражданской власти Господа ради, не за страх, а за совесть и молиться о преуспевании добрых гражданских начинаний во благо родины нашей. Бога бойтесь, власти чтите, всех почитайте, братство любите. Всемерно заповедуем всем быть вполне корректными и лояльными в отношении к существующей власти, отнюдь не допускать так называемых контрреволюционных выступлений и всеми зависящими мерами содействовать существующей гражданской власти в заботах предприятия ее, направленных к мирному и спокойному течению общественной жизни. Устроением Божиим Церковь отделена от государства – и да будет она только тем, что она есть по своей внутренней природе, то есть мистическим благодатным телом Христовым, вечным священным кораблем, приводящим верных чад своих к тихой пристани – животу вечному.

Призываем всех вас устроить жизнь свою на великих заветах евангельской любви, взаимного снисхождения и всепрощения, на незыблемом основании веры апостольской, с соблюдением добрых церковных преданий, – да о всем славится Бог Господом нашим Иисусом Христом».

На следующий день, 25 августа 1922 года, епископы Павел и Виктор и с ними несколько священников были арестованы, а 1 сентября был арестован секретарь губернского суда Александр Вонифатьевич Ельчугин.

На допросе 28 августа владыка Виктор на вопрос следователя, кто составил послание против обновленцев, ответил: «Воззвание против ВЦУ и группы “Живой церкви”, обнаруженное при обыске, составлено мной и разослано в количестве пяти-шести экземпляров».

*Епископ Виктор (Островиков).
Вятская тюрьма. 1922 год*

Сотрудники Вятского ОГПУ сочли, что дело имеет важное значение, и, учитывая популярность епископа Виктора в Вятке, решили отправить обвиняемых в Москву. Узнав время отправления поезда, жители Вятки устремились на вокзал. Они несли продукты, вещи, кто что мог. Для разгона пришедших провожать епископа власти направили отряд милиции. Поезд тронулся. Люди устремились к вагону, несмотря на охрану. Многие плакали. Епископ Виктор из окна вагона благословлял свою паству.

В Бутырской тюрьме в Москве преосвященный Виктор был снова допрошен. На вопрос следователя, как он относится к обновленцам, владыка ответил: «Признать ВЦУ я не могу по каноническим основаниям...»

23 февраля 1923 года епископы Павел и Виктор были приговорены к трем годам ссылки. Местом ссылки для владыки Виктора стал Нарымский край Томской области, где его поселили в маленькой деревеньке, расположенной среди болот, с единственным путем сообщения – по реке. К нему приехала его духовная дочь монахиня Мария, которая стала помогать ему в ссылке и впоследствии сопровождала его во многих скитаниях и переселениях с места на место.

Из ссылки владыка часто писал своим духовным детям в Вятку. Большая часть писем во время гонений последующих лет была утрачена, но сохранилось несколько писем одной семье, которую владыка опекал и поддерживал во время своего пребывания в Вятке.

«Дорогие Зоя, Валя, Надя и Шура с глубокоуважаемой мамой вашей! – писал он. – Из своей далекой ссылки шлю вам всем благословение Божие с молитвенным пожеланием, чтобы оно хранило вас от всякого зла в жизни, а наипаче от богомерзкой ереси обновленцев, в которой гибель и души нашей и тела. Спасибо вам за память обо мне... Мы пока получили только одну вещь: шубу Маше, а в ней было завернуто кое-что, и между прочим бумага и конверты. Спасибо вам за них. Вы напишите мне: как живете, здорова ли мама, кто где у вас служит? Куда больше ходите в церковь? Я думаю, что посещаете службу владыки Авраамия*. Так и делайте, держитесь за него крепче и во всем его слушайтесь и советуйтесь с ним, если какая нужда будет. С еретиками-отступниками от Вселенской Церкви – не молитесь.

Мы живем милостию Божией и любовью всех вас хорошо. Лето провел все на реке за рыбной ловлей, а теперь помогаем больным, которых немного, так как и село-то наше маленькое – всего 14 дворов. Божественную службу совершаем дома, а когда молимся, то и всех вас сердечно вспоминаем. Жалко, что разлучен с вами уже давно, – но на все воля Божия с человеком; надеюсь на милость Божию, что все мы увидимся: только не знаю, надолго ли. Дуня хотела раньше повидаться – но не могла: уж очень далеко мы живем и трудно до нас доехать. Летом надо ехать на лодке, а зимой на лошадях четыреста верст. Но есть люди, которых угнали еще дальше: один священник ехал 32 дня на лодке до Колпашева, нашего главного села. Туда и почта уж не ходит, а у нас еще хорошо, слава Богу.

Живите со Христом. Поминайте меня в молитвах ваших. Любящий вас всех
Епископ Виктор

Дорогие Валя, Зоя, Шура и Надя!

Спасибо вам за память. Всегда молитвенно вспоминаю всех вас с мамой вместе. Не могу вас забыть за вашу ревность и усердие к храму Божию, к молитве.

* Дернова.

Благодать Божия да укрепляет ваш дух ревности о своем вечном спасении в Боге и на будущее время.

Милостию Божиею я жив и здоров за ваши молитвы. Место наше глухое, народ живет бедно, а почтовое сообщение весьма трудно. Почта за 60 верст, и один не пойдешь – медведи в тайге, да и не пройдешь пешком, а надо на лодке. Вот и ждешь случая, с кем послать письма. Летом все время ловил рыбу то на реке Кети, то на озерах, а теперь рыба перестала ловиться, сижу дома... Молимся мы дома, а в церковь не ходим, так как священник перешел на сторону еретиков-антицерковников (живоцерковников), а молитвенное общение с еретиками – погибель души. Народ ничего не знает и не слышит, духовенство от него все скрывает. Крестьяне сердечно относятся к нам и помогают: приносят молочка, картошки, а мы с ними делимся лекарствами. Ребятишки малые ходят почти голыми – нечего надеть, и все болеют от холода. Льна и конопли сеют мало, а покупать материю очень дорого. Мужчины с осени уезжают на промыслы далеко, верст за двести, в глушь, в тайгу за белкой или рыбу ловить неводами – вот этим и живут, а своего хлеба совсем мало. Кругом непроходимые болота.

Всегда вспоминаю вас, вашу любовь, и не забывайте и вы меня в молитвах своих, только с еретиками не молитесь, а лучше дома, если не будет православного храма. Благодать Божия да хранит вас вместе с мамой вашей, рабой Божией Александрой, от всякого зла и погибели. Привет и благословение всем знаемым во Христе. Любящий вас любовью во Христе *Епископ Виктор*
17/30 марта 1924 года.

Дорогие мои Валя, Зоя, Надя и Шура с досточтимой мамою Александрой Феодоровной!

Господь да будет со всеми вами Своею благодатию в вечное спасение душ ваших. Уведомляю вас, что письмо ваше я получил... Спасибо за память, за утешение и любовь вашу. Только напрасно вы расходуетесь, посылая письма заказными, да и нам их очень трудно получать. Ведь почта у нас за 70 верст, и надо бывает искать человека и писать ему доверенность на получение письма, а доверенность заверять в сельсовете, который от нас 10 верст, иногда долго не бывает попутчика, – и так письмо все лежит и лежит на почте (с месяц). Между тем простые письма с почты посылаются к нам прямо, и мы получаем их скорее. Письма редко пропадают.

Я всегда с особою радостью вспоминаю всех вас, ваше усердие к храму Божиему и ваше радушие, с которым вы нас принимали. Господь да укрепляет ваш дух в исповедании святой православной веры и воздаст вам милостями Своими в сей и в будущей жизни. Как вы, так и я надеюсь на милость Божию, что мы еще с вами увидимся, а вот когда это будет – не знаю: Господь знает и все устроит по Своей святой воле к взаимному нашему утешению. Вы так всегда в сердце своем и держите, что все с нами бывает по воле Божией, а не случайно, и от Господа зависит изменить наше положение нам в утешение и спасение. А потому не будем отчаиваться никогда, как бы тяжело ни было нам...

Спасибо вам за письма и за марки, но вам я давно не писал сам, потому что боюсь, как бы не повредить и вам и себе частой перепиской: ведь мы ссыльные, и за каждым шагом нашим смотрят, и письма наши читают. Прошрое письмо ваше мы получили поздно, оно долго лежало на почте – не было кому получить его, а потому и поздравить тебя, Валя, с днем Ангела не мог, хотя все-таки послал тебе поздравление и приветствие через кого-то другого, а через кого именно – забыл. Очень хорошо сделала, что на день именин посетила владыку Авраамия: лучшего

ничего и придумать нельзя было. Господь да не оставит тебя за это святое дело. Владыка Авраамий – великий человек по своему смирению пред Богом. Наверное, его тоже сошлют куда-либо далеко. Помоги ему, Господи!

Вы спрашиваете о здоровье моем – ничего, слава Богу, здоров, а немного болел ревматизмом: мы отопляемся только железной печкой, которая горит день и ночь, и температура не равномерна – то очень жарко, а то прохладно. Вот и заболел немного. Маша теперь стегает одеяла, и этим мы зарабатываем себе на хлеб, рыбу, дрова. Впрочем, рыбы я и сам много ловил и теперь с наступлением весны опять займусь рыболовством... Вот праздник Благовещения Пресвятой Богородицы скоро; мы тоже, Господь благословит, будем приобщаться Святых Таин, только у себя дома, где мы служим Божественную литургию вдвоем с Машей и вас всех, близких нам вятичей, поминаем. Буди милость Божия со всеми вами. Приступайте и вы ко Святым Тайнам там, куда ходите в церковь, а если по вашим молитвам меня освободят раньше, то тогда и у меня причаститесь. Оставайтесь с Богом. Господь да хранит вас...

Любовь моя во Христе с вами. *Епископ Виктор*
Христос воскрес!

Дорогие Валя, Зоя, Надя и Шура с боголюбезнейшею мамой Александрой Феодоровной!

Поздравляю вас всех с праздником Светлого Христова Воскресения. Дай Господи в мире и радости сердечной провести вам эти дни, а утешение, которым вы утешили нас, да примет Господь на Себя и Сам утешит вас по Своей великой милости. Спасибо вам, но вперед так много не расходуйтесь. Сухарики, видимо, сдобные, хотя мы еще и не пробовали их. Будем вспоминать вас на Пасху. На письмо ваше я вам уже ответил раньше. Получили ли вы его? Всегда молитвенно вспоминаем любовь вашу. Храни всех вас Господь от всякого зла.

Любящий вас любовью во Христе *Епископ Виктор*
1/14 апреля 1924 года.

Дорогая во Христе сестра Валя с Зоей, Надей и Шурой и боголюбезнейшей мамой Александрой Феодоровной!

Мир вам от Господа. Благодать Божия да хранит всех вас от всякого зла.

Всегда сердечно вспоминаю всех вас, уверен, что и вы меня помните. Давно только не получал от вас ни одной строчки. Если есть время, то пишите, как живете, какие скорби и какие у вас радости, ибо ваши скорби и радости – мои скорби и радости. Пишите, ничего не опасаясь, только не надо никогда подписывать фамилию, а только одно имя. Я ведь и так всех вас знаю и руки ваши знаю.

Я живу милостию Божией хорошо. Только все опасаясь, как бы опять куда на “курорт” не попасть. Враги Православной Церкви – обновленцы – ведь не дремлют, а, наверное, опять какие-либо козни против нас строят. Бог им судья. Не ведят, что творят. Они ведь, пожалуй, думают, что, предавая нас на страдания, “служат Богу”, как об этом предсказывал Сам Господь во Святом Евангелии...

Любящий всех вас *Епископ Виктор*
6 декабря 1924 года».

Тем временем события в Вятской епархии стремительно развивались. 19 августа 1923 года Вятская Трифоновская община направила прошение Патриарху Тихону с просьбой рукоположить находившегося в это время в Вятке архимандрита Авраамия (Дернова) во епископа Уржумского, викария Вятской епархии, благословив ему временно управлять и всей Вятской епархией.

6 сентября 1923 года Патриарх одобрил эту просьбу и благословил прибыть архимандрита Авраамия для рукоположения во епископа в Москву. Таким образом Вятская епархия получила православного архиерея. Но радость православных была недолгой – вскоре безбожные власти арестовали владыку Авраамия, и епархия снова осталась без архипастыря, утесняемая со всех сторон обновленцами.

12-13 февраля 1924 года в Глазове прошел съезд духовенства и мирян Глазовского викариатства, на котором было постановлено: «Ввиду отсутствия в Глазовской епископии правящего епископа и расстройств церковных дел, в целях упорядочения церковной жизни временно явочным порядком организовать Духовное Правление Глазовской епископии в городе Глазове впредь до возвращения епископа Виктора или освобождения епископа Авраамия Уржумского...» Съезд также постановил: «На кафедру Глазовской епископии единогласно избрать Преосвященного Виктора Островидова с местожительством в городе Глазове».

Избрание архиерея народом, по мысли участников съезда, давало возможность «ходатайствовать перед Центральной Гражданской властью о возвращении епископа Виктора к месту его архипастырского служения в город Глазов». И съезд избрал депутацию из трех лиц и командировал их в Москву. Одновременно Духовное Правление Глазовского викариатства направило письмо Патриарху Тихону, осведомляя его обо всех событиях, происшедших в Глазове, а также прося в случае, если гражданская власть не удовлетворит их просьбу возвратить епископа Виктора из ссылки, направить к ним какого-либо епископа, даже хотя бы и временно, «дабы можно было скорее довести дело устройства нашей епископии до благоприятного конца, – говорилось в этом письме, – и тем положить, с прибытием на жительство в город Глазов епископа, начало к созиданию всех церковных общин наших в духе единства святой православной веры, в союзе мира и любви для преуспевания всего о Христе братства нашего в послушном уставам Церкви житии».

17 марта 1924 года Патриарх Тихон и Священный Синод распорядились: «Временное управление Глазовским викариатством Вятской епархии поручить Преосвященному епископу Чебоксарскому Симеону» (Михайлову).

Однако в начале 1926 года епископ Симеон уклонился в григорианский раскол, и Глазовское викариатство, как и вся Вятская епархия, снова оказались без архипастыря.

Срок ссылки епископов Павла и Виктора закончился 23 февраля 1926 года, и им было разрешено вернуться в Вятскую епархию. Весной 1926 года владыка Павел, возведенный после окончания ссылки в сан архиепископа, и епископ Виктор прибыли в Вятку. За время ссылки архиереев-исповедников епархия пришла в состояние плачевное. Один из викариев Вятской епархии, епископ Яранский Сергей (Корнеев), перешел к обновленцам и увлек за собой немало священнослужителей. Некоторые из них хорошо сознавали пагубность обновленческого движения, но не в силах оказались устоять перед угрозой ареста и ссылки, когда примеры того, сколь легко исполнялись эти угрозы, были у всех перед глазами; но, перейдя к обновленцам, они постарались скрыть этот факт от своей паствы.

Прибывшие в епархию архиереи-исповедники сразу же принялись за восстановление разрушенного епархиального управления, почти в каждой проповеди они разъясняли верующим о пагубности обновленческого раскола.

Архиепископ Павел обратился к пастве с посланием, в котором писал, что единственным законным главой Русской Православной Церкви является Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр (Полянский), и призвал всех верующих отойти от раскольничьих группировок и объединиться вокруг митрополита Петра.

Для Вятской епархии вернувшиеся из ссылки архиереи-исповедники были единственным законным священноначалием, и после их обращения к пастве и ее увещания начался массовый возврат приходов в Патриаршую Церковь. Обеспокоенные обновленцы потребовали от архиереев прекратить свою деятельность против них, а иначе, поскольку обновленцы – единственная подлинно лояльная советской власти церковная организация, действия православных епископов будут расценены как контрреволюционные. Архиереи не уступили обновленцам, несмотря на их угрозы, и отказались вести с ними какие бы то ни было переговоры.

Созидательная деятельность в епархии архиепископа Павла и епископа Виктора, направленная на исцеление духовных ран паствы, нанесенных обновленческой лезвием, и утверждение в вере пошатнувшихся и поддержку ослабевающих, продолжалась немногим более двух месяцев.

Архиепископ Павел был арестован 14 мая 1926 года в Вятке, в доме, где он жил при Покровской церкви. Власти обвинили его в том, что он в проповеди говорил о гонениях на православную веру, о том, что «мы живем в век фальсификаторов и богоборцев»... призывал верующих стойко стоять за веру православную и «лучше пострадать за веру, чем поклоняться сатане».

Епископ Виктор был арестован 16 мая в поезде, когда проезжал через Вологду. Он был обвинен в том, что содействовал и помогал архиепископу Павлу в его мероприятиях и произносил проповеди, которые, по мнению властей, имели контрреволюционное содержание.

После окончания следствия архиереи были переведены из внутренней тюрьмы ОГПУ в Москве в Бутырскую. Здесь им объявили, что Особое Совецание при Коллегии ОГПУ 20 августа 1926 года постановило лишить их права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Вятке и соответствующих губерниях, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. Место пребывания можно было до некоторой степени выбирать самим, и архиепископ Павел выбрал город Александров Владимирской губернии, где он когда-то был викарным епископом, а епископ Виктор – город Глазов Ижевской губернии Воткинской области, поближе к своей вятской пастве.

Во время своего краткого пребывания в Москве после освобождения из тюрьмы владыка встретился с заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием и в соответствии со своим местом ссылки был назначен епископом Ижевским и Воткинским, временно управляющим Вятской епархией.

29 июля 1927 года митрополит Сергей выпустил по требованию властей декларацию о «лояльности». Власти, добываясь от Церкви публичного заявления о лояльности, не столько желали ее лояльности, сколько имели цель публикацией определенного рода документов произвести смятение среди православных и поставить Русскую Православную Церковь под угрозу нового раскола. И этого им достичь удалось. Разномыслие русских иерархов после опубликования декларации оказалось столь велико, что поставило их на грань разрыва с заместителем Предстоятеля Церкви, который не произошел лишь

благодаря самому Предстоятелю, Местоблюстителю митрополиту Петру, который, прося своего заместителя избегать действий и шагов в области церковного управления, ведущих к смятению в Церкви (с чем на практике митрополит Сергей не согласился), однако благословил его на дальнейшее исполнение обязанностей заместителя.

Преосвященный Виктор принадлежал к числу тех, кто не считал публикацию декларации полезной и нужной, усматривая в ней недостойное церковного иерарха лицемерие. Получив текст декларации, преосвященный Виктор, усмотрев в ней призыв к безоговорочному сотрудничеству с правительством, которое открыто объявило своей целью уничтожение Русской Православной Церкви, что и осуществлялось послушными пособниками безбожников обновленцами, за сопротивление и несогласие с которыми владыка претерпел узы и изгнание.

Человек прямой, епископ Виктор не считал возможным прочитать декларацию верующим и таким образом публично выразить согласие с ее содержанием, но не считал возможным и промолчать о своем отношении к ней, отнестись к ней так, будто ее и не было, как сделали многие архиереи, которые, будучи несогласны с декларацией, промолчали, – он отослал декларацию обратно митрополиту Сергию.

Вскоре владыка получил распоряжение митрополита Сергия о назначении его епископом Шадринским, временно управляющим Екатеринбургской епархией. Будучи административно высланным в Глазов, епископ Виктор не мог покинуть места своего жительства без разрешения властей и в октябре 1927 года попросил митрополита Сергия образовать Воткинскую епархию в соответствии с административными границами Воткинской области.

В декабре 1927 года владыка принял решение отказаться от назначения епископом Шадринским, о чем 16 декабря сообщил митрополиту Сергию. 23 декабря он был уволен митрополитом Сергием от управления Шадринским викариатством Екатеринбургской епархии. С этого времени началась пора взаимных обвинений и острой полемики, которые под давлением государственной власти вполне достигали той цели, которую ставила безбожная власть, – возбуждение в Церкви смуты.

Оставаясь в каноническом подчинении Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Петру, епископ Виктор, живя в ссылке в Глазове, продолжал управлять Вятской епархией. В своем письме к епископу Авраамиию (Дернову) владыка Виктор писал: «...мы не отщепенцы от Церкви Божией и не раскольники, отколовшиеся от нее, – да не случится этого никогда с нами. Мы не отвергаем ни митрополита Петра, ни митрополита Кирилла, ни Святейших Патриархов, я не говорю уже о том, что мы с благоговением сохраняем все вероучения и церковное устройство, переданное нам от отцов, и вообще не безумствуем и не хулим Божией Церкви».

В конце февраля 1928 года епископ написал «Послание к пастырям», в котором подверг критике позиции, обозначенные в декларации митрополита Сергия.

«Иное дело – лояльность отдельных верующих по отношению к гражданской власти, и иное – внутренняя зависимость самой Церкви от гражданской власти, – писал он. – При первом положении Церковь сохраняет свою духовную свободу во Христе, а верующие делаются исповедниками при гонении на веру; при втором положении она (Церковь) лишь послушное орудие

для осуществления политических идей гражданской власти, исповедники же веры здесь являются уже государственными преступниками...

Ведь так рассуждая, мы должны будем считать врагом Божиим, например, святителя Филиппа, обличавшего некогда Иоанна Грозного и за это от него удушенного, – более того, мы должны причислить к врагам Божиим самого великого Предтечу, обличавшего Ирода и за то усеченного мечом».

Это послание скоро стало известно Секретному отделу ОГПУ, и 30 марта 1928 года поступило распоряжение: арестовать епископа Виктора и доставить в Москву во внутреннюю тюрьму ОГПУ. 4 апреля владыка был арестован и доставлен сначала в тюрьму в город Вятку, где 6 апреля ему было объявлено, что он находится под следствием.

В безбожной прессе началась кампания против епископа Виктора и других исповедников; в газетах писали: «В Вятке ОГПУ открыло организацию церковников-“монархистов”, возглавляющуюся Вятским епископом Виктором. Организация имела в деревне свои ячейки из женщин, именуемые “сестричествами”».

Вскоре преосвященный Виктор был отправлен под конвоем в Москву. Здесь следователь предъявил ему текст «Послания к пастырям».

– Знаком ли вам этот документ? – спросил он.

– Этот документ составлен мною с месяц приблизительно тому назад, вернее, с месяц до моего ареста. Предъявленный документ является копией моего документа.

– В вашем документе встречается несколько раз термин «исповедничество», и в конце этого документа вы призываете группу верующих, называемую «Православную Церковь», к тому же «исповедничеству». Разъясните, что вы под этим термином понимаете и что он должен означать?

– Документ обращен не ко всем верующим, а только к пастырям, как написано в начале моего документа, в обращении. Понятие «исповедничество» имеет общее для нас, верующих, значение и означает твердость в вере и мужество в своих убеждениях, несмотря на соблазны, материальные лишения, стеснения и гонения.

– У вас в документе приведены, очевидно, как примеры, достойные подражания, моменты из жизни христианских деятелей – Филиппа, митрополита Московского, и Иоанна так называемого «Крестителя»; скажите, они подходят под понятия «исповедников»?

– Поскольку они были обличителями неправды, они являются исповедниками.

– Значит, такого рода деятельность также подходит под понятие исповедничества?

– Да, поскольку она связана с верой.

– Как видно из документа, «исповедничество» указанных выше лиц заключалось в их деятельности против представителей иноверной государственной власти, за что они и были подвергнуты репрессиям?

– Власть и тогда была одинаковой с ними веры. Они выступали против Ивана Грозного и Ирода как против неправильно поступающих, грешных людей, а не как против гражданской власти.

– Протестуя против лишения священнослужителей права что-либо сказать в защиту истины Божией против гражданской власти, вы являетесь защитником этого права?

– Да, поскольку гражданская власть будет касаться веры, то есть употреблять насилие над верующими в целях достижения собственных целей.

– Следовательно, как видно из всего текста данного места вашего документа, «исповедничество» понималось как выступление против советской власти, употреблявшей насилие над верующими?

– «Исповедничество» как выступление против гражданской власти возможно только в том случае, если последняя, то есть гражданская власть, употребит первая насилие над верой, причем само «страдание» за такое выступление и будет «исповедничеством». Оно носит пассивный характер. Эту мысль я и хотел выразить в данном месте.

– Я хочу спросить вас еще раз: значит, «исповедничество» рекомендуется только в случаях насилия власти над верующими в делах веры или при гонениях?

– Да, только при насилиях и гонениях; оно может быть и независимо от гражданской власти.

– Какая причина выпуска вами данного документа, трактующего о праве деятельности Церкви в защиту истины Божией против гражданской власти и с призывом к «исповедничеству»?

– Формальным поводом послужило выступление с посланием митрополита Сергия, по моему мнению, в угоду земным интересам...

В мае следствие было закончено, и владыке было предъявлено обвинение в том, что он «занимался систематическим распространением антисоветских документов, им составляемых и отпечатываемых на пишущей машинке. Наиболее антисоветским из них по содержанию являлся документ – послание к верующим с призывом не бояться и не подчиняться советской власти, как власти дьявола, а претерпеть от нее мученичество, подобно тому, как терпели мученичество за веру в борьбе с государственной властью митрополит Филипп или Иван, так называемый “Креститель”», – писали сотрудники ОГПУ.

18 мая 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Виктора к трем годам заключения в концлагерь. В июле владыка прибыл на Попов остров и затем на Соловецкий остров. Начался исповеднический путь святителя в узах. Епископа отправили в 4-е отделение Соловецкого лагеря особого назначения, расположенное на главном Соловецком острове, и назначили на работу бухгалтером канатной фабрики. Профессор Иван Михайлович Андреев, бывший в Соловецком концлагере вместе с владыкой, так описывал его жизнь в лагере: «Домик, в котором находилась бухгалтерия и в котором жил владыка Виктор, находился... в полуверсте от кремля, на опушке леса. Владыка имел пропуск для хождения по территории от своего домика до кремля, а потому мог свободно... приходить в кремль, где в роте санитарной части, в камере врачей, находились: владыка епископ Максим (Жижиленко)... вместе с врачами лагеря...

Владыка Виктор приходил к нам довольно часто вечерами, и мы подолгу беседовали по душам. Для “отвода глаз” начальства роты обычно мы инсценировали игру в домино за чашкой чая. В свою очередь мы, все четверо, имевшие пропуска для хождения по всему острову, часто приходили... якобы “по делам” в домик на опушке леса к владыке Виктору. В глубине леса, на расстоянии одной версты, была полянка, окруженная березами. Эту полянку мы называли “кафедральным собором” нашей соловецкой катакомбной церкви в честь Пресвятой Троицы. Куполом этого собора было небо, а стенами – березовый лес. Здесь изредка происходили наши тайные богослужения. Чаще такие

богослужения происходили в другом месте, тоже в лесу, в “церкви” имени св. Николая Чудотворца. На богослужения, кроме нас пятерых, приходили еще и другие лица: священники отец Матфей, отец Митрофан, отец Александр, епископы Нектарий (Трезвинский), Иларион (викарий Смоленский)...

Владыка Виктор был небольшого роста... всегда со всеми ласков и приветлив, с неизменной светлой, радостной, тонкой улыбкой и лучистыми светлыми глазами. “Каждого человека надо чем-нибудь утешить”, – говорил он и умел утешать всех и каждого. Для каждого встречного у него было какое-нибудь приветливое слово, а часто даже и какой-нибудь подарочек. Когда после полугодового перерыва открывалась навигация и в Соловки приходил первый пароход, тогда обычно владыка Виктор получал сразу много вещевых и продовольственных посылок с материка. Все эти посылки через несколько дней владыка раздавал, не оставляя себе почти ничего...

Беседы между владыками Максимом и Виктором, свидетелями которых часто бывали мы, врачи санитарной части, жившие в одной камере с владыкой Максимом, представляли исключительный интерес и давали глубокое духовное назидание...

Владыка Максим был пессимист и готовился к тяжелым испытаниям последних времен, не веря в возможность возрождения России. А владыка Виктор был оптимист и верил в возможность короткого, но светлого периода, как последнего подарка с неба для измученного русского народа».

В Соловецком концлагере владыка пробыл три года. Один из заключенных лагеря, писатель Олег Волков, вспоминал впоследствии о своем знакомстве с епископом: «Проводить меня пришел из кремля Вятский епископ Виктор. Мы прохаживались с ним невдалеке от причала. Дорога тянулась вдоль моря. Было тихо, пустынно. За пеленою ровных, тонких облаков угадывалось яркое северное солнце. Преосвященный рассказывал, как некогда ездил сюда с родителями на богомолье из своей лесной деревеньки. В недлинном подряснике, стянутом широким монашеским поясом, и подобранными под теплую скуфью волосами, отец Виктор походил на великорусских крестьян со старинных иллюстраций. Простонародное, с крупными чертами лица, кудловатая борода, окающий говор – пожалуй, и не догадаешься о его высоком сане. От народа же была и речь преосвященного – прямая, далекая свойственной духовенству мягкости выражений. Умнейший этот человек даже чуть подчеркивал свою слитность с крестьянством.

– Ты, сынок, вот тут с год потолкался, повидал все, в храме бок о бок с нами стоял. И должен все это сердцем запомнить. Понять, почему сюда власти попов да монахов согнали. Отчего это мир на них ополчился? Да нелюба ему правда Господня стала, вот дело в чем! Светлый лик Христовой Церкви – помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что затапывают, почаще вспоминай, чтобы самому от нее не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полунощный край небушка, не забывай, что тут хоть туго да жутко, а духу легко... Ведь верно?

Преосвященный старался укрепить во мне мужество перед новыми возможными испытаниями...

...Обновляющее, очищающее душу воздействие соловецкой святыни... теперь овладело мною крепко. Именно тогда я полнее всего ощутил и уразумел значение веры».

В 1929 году преосвященный Виктор, ни в чем не считая себя перед гражданской властью виновным, написал прошение о досрочном освобождении. 24 октября того же года Коллегия ОГПУ приняла решение: в просьбе ему отказать.

4 апреля 1931 года кончился срок заключения, но епископ Виктор не был освобожден, как и многие другие архиереи, являвшиеся слишком яркими образцами пламенной веры. Преосвященный Виктор был обречен властями до смерти терпеть узы неволи, и 10 апреля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к ссылке в Северный край на три года, в Коми область.

Местом ссылки епископу была назначена деревня Караванная, на окраине районного села Усть-Цильмы, расположенного на берегу широкой в этом месте и быстрой течением реки Печоры. Все село раскинулось на высоком левом берегу, с которого открываются необъятные просторы Печоры с низким противоположным берегом, от которого тянется вдаль казавшаяся отсюда бесконечной тайга. В Усть-Цильме епископу стали помогать монахиня Ангелина и послушница Александра, подвизавшиеся ранее в одном из монастырей Пермской епархии и сосланные сюда после закрытия обители.

Здесь в то время находилось много ссыльных, в том числе священников и православных мирян. Незадолго до приезда в Усть-Цильму преосвященного Виктора власти закрыли в селе православную церковь, и ссыльные вместе с местными жителями пытались добиться разрешения на ее открытие. Уже найден был священник, у которого кончился срок ссылки и который дал свое согласие остаться в селе и служить в храме, но, пока служб не было, ключи от храма находились у верующих, и они пускали ссыльных священников и мирян в храм для спевов.

Местные власти и ОГПУ в местах ссылок преследовали ссыльных и особенно духовенство еще более рьяно, чем в Центральной России. И в конце концов в Усть-Цильме были арестованы почти все ссыльные священники и миряне.

Предчувствуя арест, епископ написал архиепископу Серафиму (Самойловичу)*, что, в виду сложившихся тяжелых для него обстоятельств, он поручает ему своих духовных детей. В 1935 году владыка Серафим сам оказался в тесных обстоятельствах и написал из лагеря епископу Дамаскину (Цедрику)** , находившемуся в то время в ссылке в Архангельске, что поручает ему вятских духовных детей.

Епископ Виктор был арестован 13 декабря 1932 года. На следствии из показаний хозяев, у которых были поселены ссыльные, выяснилось, что те получали помощь продуктами, деньгами и вещами из Архангельска, откуда некоторые из них были родом. Стало известно, что помощь ссыльным оказывал епископ Архангельский Аполлос (Ржаницын), и власти посему арестовали и его; вместе с ним были арестованы благочестивые женщины, возившие продукты и вещи из Архангельска в Усть-Цильму.

Кроме обвинений в помощи друг другу и другим ссыльным, а также помощи крестьянам в писании разного рода прошений к властям, за ссыльными не оказалось ни малейшей вины. Власти, однако, воспользовавшись тем фактом, что

* Священномученик Серафим (в миру Семен Николаевич Самойлович); архиепископ Угличский; память празднуется 22 октября/4 ноября.

** Священномученик Дамаскин (в миру Дмитрий Дмитриевич Цедрик); епископ Стародубский; память празднуется 2/15 сентября.

ссылки ходили друг к другу в гости, обвинили их в создании антисоветской организации.

Сразу же после ареста начались допросы. Следователи потребовали от владыки, чтобы он оговорил других арестованных. В течение первых восьми суток допросов ему не разрешали присесть и не давали спать. Протокол с нелепыми обвинениями и лживыми показаниями был заготовлен заранее, и сменяющие друг друга следователи сутками повторяли одно и то же, крича заключенному в уши – подпиши! подпиши! подпиши! Однажды владыка, помолившись, перекрестил следователя, и с тем случилось нечто подобное припадку беснования – он стал нелепо подпрыгивать и трястись. Епископ помолился и попросил Господа, чтобы не случилось вреда этому человеку. Вскоре припадок прекратился, но вместе с этим следователь снова приступил к владыке, требуя, чтобы тот подписал протокол. Однако все усилия его были напрасны – святитель не согласился оговорить ни себя, ни других.

После первых допросов часть арестованных была заключена в тюрьму в Архангельске, а часть под конвоем доставлена в тюрьму в Усть-Сысольск*, куда был отправлен и епископ Виктор.

22 декабря следователь снова допросил епископа. Отвечая на вопросы следователя, владыка сказал: «Родился я в городе Саратове, в семье псаломщика, образование получил в духовном училище, которое окончил в 1893 году, и сразу же поступил учиться в семинарию, которую окончил в 1899 году; по окончании семинарии поступил в Казанскую академию, которую окончил в 1903 году. И сразу же принял монашество. С этого времени жил по разным монастырям. Причем два года я пробыл в городе Хвалынске, куда был командирован специально для укрепления вновь основывающегося монастыря. После этого я уехал в Палестину и прожил в Иерусалиме вплоть до 1908 года. Возвратясь обратно из Иерусалима, я в России был во многих монастырях настоятелем и на других должностях.

В 1919 году был посвящен в сан епископа и направлен в город Вятку, где и служил вплоть до 1923 года. В 1923 году был осужден органами ОГПУ, после чего систематически отбывал ссылку, как-то: с 1923-го по 1926 год отбывал ссылку в Нарымском крае, после чего получил минус шесть, и в 1928 году был вновь осужден в концлагерь сроком на три года; отбыв концлагерь, получил ссылку в область Коми Усть-Цильмского района, где и находился по день настоящего ареста, то есть 13 декабря 1932 года. Причину настоящего ареста ничем объяснить не могу, так как преступления за собой не чувствую. По своим религиозным убеждениям являюсь последователем Патриарха Тихона. Обновленчества и сергиевщины не признаю».

Больше владыку не допрашивали. На следствии он явил собой пример мужества, сохраняя мир души и неизменно радостное настроение. Он выбрал путь исповедничества, не ждал от безбожных властей пощады и готов был пройти уготованный ему крестный путь до конца. Его душу не расслабляла возможность грядущей свободы, жизни на воле. По всему было видно, что гонения с годами только усилятся, и потому, когда они и закончатся, то их конец увидят уже другие люди, пожиная плоды терпения и страданий своих предшественников – мучеников и исповедников, которым Господь судил встретить бурю гонений во всей ее грозной беспощадности.

* Ныне город Сыктывкар.

В тюрьме владыка сам убирал камеру, а также участвовал в различных хозяйственных работах. Однажды, вынося мусор на помойку в тюремном дворе, он увидел среди отбросов блестящую дощечку и попросил у конвоира разрешение взять ее с собой. Тот разрешил. Эта дощечка оказалась иконой Христа Спасителя, копией с чудотворного образа, находившегося в Свято-Троицком Стефано-Ульянском монастыре Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. После освобождения из тюрьмы владыка поместил эту икону в киот и хранил в нем антиминс, освященный в свое время епископом Сарапульским, викарием Вятской епархии Амвросием (Гудко)*.

10 мая 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Виктора к трем годам ссылки в Северный край.

Владыка этапом был отправлен в тот же самый Усть-Цильмский район, но только в еще более отдаленное и глухое село Нерицу, расположенное на берегу довольно широкой, но мелкой, бродной реки Нерицы, впадающей в Печору. Храм в селе был давно закрыт. Власти поместили епископа в доме председателя сельсовета и первого организатора колхоза в этих местах. Сюда к нему приехала послушница Александра, а монахиня Ангелина осталась в Усть-Цильме.

Поселившись в Нерице, владыка много молился, иногда для молитвы уходя далеко в лес – бесконечный, бескрайний сосновый бор, местами перемежавшийся глубокими топкими болотами. Работа епископа здесь заключалась в пилке и колке дров. Хозяева дома, где жил епископ Виктор, полюбили доброго, благожелательного и всегда внутренне радостного владыку, и хозяин часто приходил к нему в комнату поговорить о вере.

Жизнь в селе в условиях Севера, да еще после того, как здесь прошла коллективизация и почти все запасы продовольствия были вывезены из сел и деревень в города, наступила необыкновенно тяжелая: пришел голод, а с ним и болезни, от которых многие умерли в зиму 1933-1934 годов.

Была при смерти и дочь хозяев, девочка двенадцати лет. Епископ время от времени получал от своих духовных детей из Вятки и Глазова посылки, которые почти целиком раздавал нуждающимся жителям. Из присланного он поддерживал во время болезни и дочь хозяев, каждый день принося ей несколько кусочков сахара и горячо молясь о ее выздоровлении. И девочка по молитвам епископа-исповедника стала поправляться и в конце концов выздоровела.

Несмотря на то, что в селе до начала гонений был православный храм, здесь, как и на родине владыки в Саратовской губернии, жило много старообрядцев, прадеды которых переехали сюда из Центральной России, но даже и они, видя, какую праведную и подвижническую жизнь проводит епископ, невольно прониклись к нему уважением, никогда себе не позволяя смеяться над ним или заводить пустые словопрения.

После суровой зимы, которая здесь почти вся проходит в темноте и сумерках из-за короткого зимнего дня, когда невозможно далеко отойти от села без риска заблудиться, с наступлением весны преосвященный стал часто и надолго уходить в лес.

Кругом еще лежал снег, но было уже по-весеннему светло, и иногда среди угрюмых туч выглядывало солнце, со всех сторон владыку окружали сосны и ели,

* Священномученик Амвросий (в миру Василий Гудко); память празднуется 27 июля/9 августа.

– и все это вместе с бескрайним простором создавало грозное ощущение величия творения Божьего и Самого Творца.

«Наконец я нашел свой желанный покой в непроходной глуши среди чащи лесной. Веселится душа: нет мирской суеты; не пойдешь ли со мной, друг мой милый, и ты... Нас молитвой святой вознесет до небес, и архангельский хор к нам слетит в тихий лес. В непроходной глуши мы воздвигнем собор, огласится мольбой зеленеющий бор...» – писал он, как сохранило церковное предание, близким и, обращаясь ко Господу, просил: «Помоги обрести мне желанный покой в непроходной глуши среди чащи лесной».

В конце апреля владыка написал монахине Ангелине в Усть-Цильму, приглашая ее приехать. Он писал, что близятся тяжелые, скорбные дни, которые будет легче перенести, если молиться вместе. И в субботу 30 апреля она была уже в Нерице у владыки. В этот день у него поднялась высокая температура и появились признаки серьезной болезни. Пришедший к преосвященному врач-священник сказал, что владыка заболел менингитом. Через день, 2 мая 1934 года, преосвященный Виктор скончался.

Сестрам хотелось похоронить владыку на кладбище в районном селе Усть-Цильме, где жило в то время много ссыльных священников и где была церковь, хотя и закрытая, но не разоренная, а село Нерица с маленьким сельским кладбищем казалось им настолько глухим и отдаленным, что они опасались, что могила здесь затеряется и станет безвестной. Им с большим трудом удалось выпросить лошадь, якобы для того, чтобы отвезти заболевшего владыку в больницу. Они скрыли, что епископ скончался, из-за боязни, что, узнав об этом, лошадь не дадут. Сестры положили тело епископа в сани и выехали из села. Пройдя некоторое расстояние, лошадь остановилась, опустила голову на сугроб и не пожелала двигаться дальше. Все их усилия заставить ее сдвинуться с места не привели ни к чему, – пришлось развернуться и ехать в Нерицу и хоронить епископа на маленьком сельском кладбище. Они долго потом горевали, что не удалось похоронить владыку в районном селе, и только впоследствии выяснилось, что это Господь заботился, чтобы честные останки священноисповедника Виктора не были утрачены, – кладбище в Усть-Цильме было со временем уничтожено и все могилы скрыты.

Незадолго до сорокового дня после кончины святителя монахиня Ангелина и послушница Александра обратились к хозяину дома с просьбой наловить рыбы на поминальную трапезу, но хозяин отказался, сказав, что сейчас не время для лова по причине широкого разлива реки, когда люди от дома до дома на лодках плавают. И тогда святитель явился во сне хозяину и трижды попросил удовлетворить их просьбу. Но и во сне рыбак пытался объяснить епископу, что ничего нельзя сделать по причине разлива. И тогда святитель сказал: «Ты потрудись, а Господь пошлет». Рыбак послушался и пошел к реке ловить рыбу. Вышло все по слову епископа. Чудесный лов рыбы произвел огромное впечатление на рыбака, и он сказал жене: «Не простой человек у нас жил».

1 июля 1997 года были обретены мощи священноисповедника Виктора, которые затем были перенесены в город Вятку в женский Свято-Троицкий монастырь. В 2005 году насельницы монастыря были переведены в Преображенский монастырь в центре города; туда же 1 июля были перенесены мощи священноисповедника Виктора.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 116-153.

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 174-212